

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1975 · № 2

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАД

Тесная дружба и постоянное общение с декабристами оказали значительное влияние на Пушкина. Но и поэзия Пушкина воспитывала декабристов в духе «вольномыслия». 12 апреля 1826 года В. А. Жуковский сообщил Пушкину: «В бумагах каждого из действовавших (декабристов, — *И. И.*) находятся стихи твои».¹⁶ Пушкинские «вольные» стихи служили одним из источников революционной пропаганды. Они использовались декабристами как политические прокламации, призывающие на борьбу против крепостничества и самодержавия, и расходились во множестве в нелегальных списках.

Несмотря на то, что декабристы, по возможности, старались не называть имя Пушкина, чтобы не навлечь на него новых подозрений, все же в отдельных случаях они не могли умолчать о том, что вольнолюбивые стихи поэта оказывали на них революционное воздействие.¹⁷ Нам удалось обнаружить среди показаний арестованных декабристов одно из таких свидетельств. Так, мичман гвардейского экипажа В. А. Дивов Следственной комиссии по делу декабристов показал: «Стихотворения Пушкина, а более Рылеева, способствовали также к получению свободного образа мыслей».¹⁸

В заключение следует сказать, что обнаруженные материалы являются новым ярким доказательством общественной активности и вольнолюбивых взглядов Пушкина кишиневского периода его жизни. Приведенные документы позволяют глубже и всестороннее осветить тесные связи, творческое и идейное влияние друг на друга Пушкина и декабристов.

Р. Е. ТЕРЕХИНА

ПУШКИН И З. А. ВОЛКОНСКАЯ

По возвращении из ссылки, живя в Москве, Пушкин был частым посетителем знаменитого литературно-музыкального салона кн. Зинаиды Александровны Волконской (1789—1862)¹ — дочери кн. А. М. Белосельского-Белозерского и жены кн. Н. Г. Волконского, брата декабриста. Разносторонне одаренная, З. А. Волконская сумела сделать свой дом настоящей «академией» искусств. В ее салоне бывали литературные чтения и концерты, разыгрывались шарады, ставились пьесы и оперы. Перед отъездом в Петербург в начале мая 1827 года Пушкин прислал княгине экземпляр только что вышедшей поэмы «Цыганы» и известное послание — «Среди рассеянной Москвы...», в котором назвал ее «царицей муз и красоты». Специальной работы о Пушкине и З. А. Волконской до сих пор нет. Краткие сведения об их взаимоотношениях приводятся в литературе, посвященной пребыванию Пушкина в Москве, в комментариях к его посланию княгине и письму с упоминанием о ней, а также в биографических работах о З. А. Волконской. В настоящей статье мы останавливаемся на некоторых фактах общения Пушкина и З. А. Волконской, ранее не привлекавших внимания.

К истории знакомства

Н. О. Лернер еще в 1910 году в примечаниях к пушкинскому посланию З. А. Волконской в собрании сочинений поэта под редакцией С. А. Венгерова писал: «В 1826 г. Пушкин встретил радушный прием в салоне Волконской; надо думать, что они были знакомы и раньше, до высылки поэта из Петербурга, и встречались у общих знакомых, которых у них было много».² Выяснить, был ли Пушкин знаком с З. А. Волконской еще в первый петербургский период, нам кажется, стоит.

¹⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 271.

¹⁷ См. вступительную статью С. А. Рейсера в кн.: Вольная русская поэзия второй половины XVIII—первой половины XIX века. «Советский писатель», Л., 1970, стр. 54, 55 (Библиотека поэта, большая серия).

¹⁸ Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. 36, оп. 4/847, д. 176, л. 18 (Всепопданнейшие рапорты г. коменданта С.-Петербургской крепости с представлением писем от разных лиц, прикосновенных к злоумышленным обществам).

¹ О годе рождения З. А. Волконской см.: Р. Е. Терехина. Автограф послания Пушкина к З. А. Волконской и его история. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1972. Изд. «Наука», 1974, стр. 5.

² Пушкин, [Сочинения], под ред. С. А. Венгерова, т. IV, СПб., 1910, стр. XXXV.

Сопоставим даты. По окончании Лицея, 11 июня 1817 года Пушкин переселился из Царского Села в Петербург, в начале июля он уехал в Михайловское и возвратился оттуда к концу августа; до высылки на юг в мае 1820 года он нигде более не уезжал. З. А. Волконская приехала из Парижа в Петербург, видимо, весной 1817 года (первое упоминание о ней нам встретилось в письме Кристины к кн. Туркестановой от 12 апреля этого года),³ но 2 сентября Н. И. Тургенев писал брату Сергею Ивановичу: «Кн. Зенеида Волк[онская] живет целое лето в Ревеле...»⁴ Вскоре после этого письма княгиня возвратилась в Петербург; 18 сентября А. И. Тургенев сообщил П. А. Вяземскому: «Вчера... был я на сюрпризе за городом, на Петергофской дороге, где княгиня Зинаида давала завтрак княгине Софье Волконской...»⁵ Но в тот же день (18-го) двор уехал на празднества в Москву, и туда же отправилась княгиня. Из Москвы весной 1818 года она проехала в Одессу (там ее видел К. Н. Батюшков, и там она написала остроумные французские куплеты об одесской грязи, предвосхитившие пушкинское описание в «Евгении Онегине») и вернулась оттуда в Петербург в начале 1819 года, но вела уединенный образ жизни и усиленно работала над своими «Quatre nouvelles» (Москва, 1819). По выходе их в свет осенью того же года она отправилась в Италию, остановившись на несколько месяцев в Варшаве, где ее видел П. А. Вяземский. А. И. Сайтов в комментариях к приведенному выше отрывку из письма о завтраке у З. А. Волконской⁷ уверенно говорит о знакомстве с ней в то время не только А. И. Тургенева, но и П. А. Вяземского; между тем из писем последнего к Тургеневу из Варшавы этого не видно. 30 сентября 1819 года Вяземский писал: «Вчера был у нас вечер; княгиня Зенеида пела прекрасно; метода ее напоминает Боргондио; а 4 октября о ней же: «Она очень любезна и поет как ангел».⁸ Подобные высказывания мог сделать человек, который впервые слушал ее пение и не так давно с ней познакомился. Пушкин тоже мог знать о З. А. Волконской и даже видеть ее во время недолгих приездов княгини в Петербург в 1817 и 1819 годах (например, в театре), но лично знаком с ней он, по-видимому, не был — в те годы далеко не все из великосветских знакомых крупного чиновника А. И. Тургенева были знакомыми начинающего поэта.

По свидетельству П. А. Вяземского, они познакомились лишь в 1826 году. Вспоминая, что «в Москве дом княгини Зинаиды Волконской был изысканым сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества» и что все в нем «носило отпечаток служения искусству и мысли», он писал: «Помнится и слышится еще, как она (З. А. Волконская, — Р. Т.), в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним (курсив мой, — Р. Т.), пропела элегию его, положенную на музыку Геништоу: „Погасло дневное светило, На море синее вечерний пал туман“. Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства».⁹ Когда Пушкин приехал в Москву, Вяземского в то время там не было. По воспоминаниям В. Ф. Вяземской, он возвратился лишь «к последним праздникам коронации»,¹⁰ по-видимому около 20 сентября. Значит, и с З. А. Волконской Пушкин познакомился не ранее этого времени. Вяземский не указывает места встречи, но поскольку перед этим он говорит о салоне княгини, очевидно, что это было у Волконской — в доме Белосельских на Тверской. Считается, что их познакомил С. А. Соболевский. Хотя, по воспоминаниям К. А. Полевого, он действительно «сделался путеводителем... по Москве»¹¹ возвращенного из ссылки поэта, подтверждения этого факта нам найти не удалось. Первой сказала об этом Н. А. Белозерская в статье о З. А. Волконской,¹² но она ошибочно полагала, что по возвращении из ссылки Пушкин остановился у Соболевского, поэт же, как известно, жил «в гостинице бывшей на Тверской в доме князя Гагарина», а у Соболевского на Собачьей площадке поселился по приезде из Михайловского в конце декабря 1826 года.

³ «Русский архив», 1883, кн. 1, стр. 550.

⁴ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 232.

⁵ Остафьевский архив, т. I, 1899, стр. 87.

⁶ Куплеты вместе с иллюстрациями, сделанными Волконской (семь акварелей и семь рисунков пером), сохранились в ее римском архиве. См.: N. G o r o d e t z k y. Zenaide Volkonsky: «La boue d'Odessa», couplets inédits. «Revue des études slaves», XXX, 1953, pp. 82—86. Об одесских рисунках княгини писал И. С. Зильберштейн в статье «Новонайденное письмо М. И. Глинки к З. А. Волконской» (в кн.: Памяти Глинки. 1857—1957. Исследования и материалы. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 446—447).

⁷ Остафьевский архив, т. I, стр. 460.

⁸ Там же, стр. 318, 323.

⁹ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. VII, СПб., 1882, стр. 329.

¹⁰ «Русский архив», 1888, кн. 2, стр. 307.

¹¹ Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Гослитиздат, Л., 1936, стр. 435—436.

¹² «Исторический вестник», 1897, № 3, стр. 966.

Письмо княгини

Важнейшим документом общения Пушкина с З. А. Волконской является письмо к нему княгини от 29 октября 1826 года. Оно написано в связи с отъездом Пушкина в Михайловское, по-французски. Письмо сохранилось в архиве поэта и впервые было опубликовано П. И. Бартевым еще в 1881 году. Из этого письма часто цитируется вторая половина его с восторженной оценкой, данной Волконской поэтическому гению Пушкина (она, кстати, показывает, что княгиня была среди слушателей на одном из чтений поэтом «Бориса Годунова», по-видимому у Веневитиновых, с которыми она была дружна, 12 октября 1826 года). Но начало письма тоже заслуживает внимания. «Вот уже несколько дней, — пишет княгиня, — как я приготовила для вас эти две строчки, дорогой господин Пушкин. Но я все забывала вам их передать; это происходит от того, что при виде вас я становлюсь *мачехой*. „Жанна“ была написана для моего театра, я играла эту роль, и так как мне захотелось сделать из этого оперу, то я была вынуждена кончить шиллеровскую пьесу на середине. Вы получите литографированное изображение моей головы в виде *Giovanna d'Arco* с композиции Бруни, — поместите ее на первой странице и вспоминайте обо мне. Возвращайтесь к нам. Московский воздух легче».¹³

Из приведенного отрывка видно, что письмо княгини было сопроводительным присылке Пушкину написанного Волконской по пьесе Шиллера, в сокращении и в переводе на итальянский язык, либретто для сочиненной ею оперы «Жанна д'Арк». В «Библиографическом словаре русских писателей» (СПб., 1889) Н. Н. Голыцина среди напечатанных произведений З. А. Волконской показана: «*Giovanna d'Arco, dramma per musica, ridotto da Schiller dalla pr. Zenaïde Wolkonksky, russa, prima sua produzione italiana. Roma, 1821, 8°*» (стр. 57). Очевидно, что Волконская послала Пушкину экземпляр именно этого издания со своей дарственной надписью. В библиотеке поэта книга не сохранилась, разыскать подобную в других хранилищах нам не удалось, но, по свидетельству Я. Б. Полонского, печатный экземпляр либретто, рукопись оперы и партитура партии Жанны находятся в римском архиве Волконской.¹⁴

Постановку вначале пьесы Шиллера, а потом сочиненной ею оперы «Жанна д'Арк» Волконская осуществила в Риме в 1820—1821 годах. В переводе пьесы с немецкого языка ей помог скульптор С. И. Гальберг; в постановке приняли участие итальянские друзья княгини и жившие тогда в Риме русские художники (тот же Гальберг, С. Ф. Шедрич, К. и А. Тоны, П. В. Басов, Ф. А. Бруни и др.), которые, вероятно, написали и декорации.¹⁵ Главную партию в опере исполнила княгиня. Обладательница превосходного контральто и незаурядная актриса, она с огромным успехом выступила в этой роли. Римляне, даже меломаны, восторженно приветствовали Волконскую—Дживованну.

Согласно свидетельству княгини в письме к Пушкину, Ф. А. Бруни сделал ее портрет в этой роли. Литографию своей головы с этого портрета Волконская и обещала прислать поэту. Выполнила ли княгиня обещание, мы не знаем — литографированного портрета Волконской в архиве Пушкина нет. Мы решили поискать подобную литографию, но, обратившись к «Словарю русских литографированных портретов»,¹⁶ обнаружили, что среди четырех указанных там портретов Волконской изображения ее головы в роли Жанны нет. Поиски литографии (или гравюры) по музеям тоже не дали результатов. И самое неожиданное, нам не удалось найти и оригинала, с которого должна быть сделана литография; среди работ Ф. А. Бруни портрета З. А. Волконской в роли Жанны д'Арк не оказалось. В монографии А. В. Половцова «Федор Антонович Бруни» (СПб., 1907) среди ранних работ художника указан только ее портрет в роли Танкреда в одноименной опере России по пьесе Вольтера (стр. 13; см. также вклейку между стр. 14 и 15); в статьях о Бруни нашего времени тоже говорится только о нем. Это известный портрет — он экспонировался на Пушкинской выставке 1899 года в Петербурге и на ряде других выставок и неоднократно воспроизводился; до революции портрет принадлежал князю М. С. Волконскому, сыну декабриста и племяннику княгини, ныне он находится в экспозиции Русского музея в Ленинграде.

¹³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. АН СССР, 1937, стр. 299, 560—561 (далее ссылки приводятся в тексте).

¹⁴ Временник Общества друзей русской книги, IV. Париж, 1938, стр. 164 (в статье «Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Риме. Новые материалы»).

¹⁵ См.: «Исторический вестник», 1897, № 3, стр. 950, примеч. 2; «Вестник изящных искусств», 1884, т. II, вып. 5, стр. 124—125.

¹⁶ Словарь русских литографированных портретов, т. I. М., 1916, стр. 182. Наше внимание привлекла указанная там редкая литография (видимо, начала 1820-х годов, за подписью А. Н.), на которой З. А. Волконская изображена погрудно, в открытом темном платье, в шляпе с перьями.

Постановку «Танкреда» Джакомо Россини З. А. Волконская осуществила, по-видимому, сразу за оперой «Жанна д'Арк». Это было не первое ее обращение к Россини: в 1815 году в Париже на сцене частного театра княгиня поставила его оперу «Итальянка в Алжире», познакомив парижское общество с тогда еще неизвестным ему композитором; великий маэстро был в восхищении; на популярные русские темы, напетые ему З. А. Волконской, он сочинил арию служанки в последнем акте «Севильского цирюльника». Партия Танкреда, по воспоминаниям современников, была лучшей в оперном репертуаре Волконской. В этой роли княгиня выступила перед императором Александром I во время Веронского конгресса в 1822 году. Живя в Москве, княгиня возобновила постановку «Танкреда». Первый спектакль состоялся 25 января 1827 года в доме Белосельских на Тверской, потом было дано еще несколько спектаклей. Через много лет П. А. Вяземский писал: «Слышавшим ее (З. А. Волконскую, — *Р. Т.*) нельзя было забыть впечатления, которые производила она своим полным и звучным контролем и одушевленною игрою в роли Танкреда, опере Россини».¹⁷ Горячий поклонник композитора, включивший его имя даже в строфы «Евгения Онегина», Пушкин не мог не быть на одном из спектаклей «Танкреда» в доме Белосельских и, вероятнее всего, был на первом. То, что опера в этот сезон шла в московском театре, этому не мешает. Вечер импровизатора-итальянца в «Египетских ночах» Пушкин открыл увертюрой к опере «Танкред» Россини; она должна была дать определенный настрой и артисту и публике, — это показывает, что поэт, по-видимому, не один раз слушал оперу и хорошо ее помнил.

Портрет З. А. Волконской в роли Танкреда датируется 1820 годом. Эта дата, если она не приблизительная, может указывать лишь начало работы художника над картиной. Волконская и Бруни приехали в Рим весной того года, но музыкальные вечера княгини, по свидетельству С. И. Гальберга, не сразу «превратились в оперы».¹⁸ Кроме того, нужно учесть размеры картины (188 × 130 см) и обычные темпы работы Ф. А. Бруни. В конце декабря 1824 года, т. е. когда Волконская была уже в России, Н. И. Тургенев видел ее портрет «в платье Танкреда» еще в мастерской художника в Риме. 27 декабря он записал в дневнике: «Наконец был у нашего русского художника *Брунова*. Видел эскиз его картины, убийство сестры Горация или Куриация. Рисунок и композиция очень хороши. Эскиз или *grigio relievato* Моисея в пустыне скомпонован прекрасно. Есть Микельанжеловские фигуры (самое раннее свидетельство о «Медном змие», отодвигающее начало работы над ним к 1824 году, — *Р. Т.*). Св. Сицилия мне не понравилась по ее позиции; что-то принужденное. В портрете кн. Зен[анды] Вол[конской], в платье Танкреда, я заметил ту же принужденность в позиции; и она сидит, согнувшись наперед. Но отделка сего портрета, бархатное платье и латы, прекрасна. Лице, кажется, не очень похоже».¹⁹ Когда княгиня жила в Москве, «великолепный портрет ее во весь рост в рыцарском костюме Танкреда» видел гр. М. Д. Бутурлин.²⁰ Когда он был привезен из Италии — неизвестно, но Пушкин, если не в 1826—1827 годах, то в конце 1828—начале 1829 года должен был его у Волконской видеть.

Мы не случайно остановились на этом портрете. Дело в том, что Н. А. Белозерская в статье 1897 года и Андрей Трофимов в книге «La princesse Zénaïde Wolkonsky...» (Рим, 1966) о портрете З. А. Волконской в роли Жанны д'Арк пишут как об известном. Первая только упоминает о нем: «В этом костюме (Жанны д'Арк, — *Р. Т.*) она изображена на портрете, писанном Ф. А. Бруни, который был одной из первых его работ в Риме».²¹ Последний описывает его: «Она заказывает свой портрет в этой роли Бруни... Он изображает ее в виде романтической Жанны д'Арк, в племе, в сверкающих доспехах, с поднятыми к небу мечтательными глазами» (стр. 60). Это описание напоминает портрет Волконской в роли Танкреда. И то, что оба автора о последнем не упоминают, свидетельствует, что, говоря о портрете Волконской в роли Жанны, они имеют в виду не какой-то другой неизвестный нам портрет, а именно изображение ее «в платье Танкреда». Н. А. Белозерская в своей основательной, но потерявшей значения до настоящего времени статье о Волконской могла воспользоваться воспоминаниями о ней еще живых современников; Андрей Трофимов написал книгу по материалам римского архива княгини, но ведь из приведенных выше свидетельств Тургенева и Бутурлина видно, что этот портрет уже в 1820-х годах считался портретом Волконской в роли Танкреда.

Рассмотрим портрет. Либретто оперы «Жанна д'Арк» было написано Волконской по драме Шиллера «Орлеанская дева», Россини оперу «Танкред» написал по одноименной трагедии Вольтера. О полном соответствии костюмов героев изо-

¹⁷ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 329.

¹⁸ «Вестник изящных искусств», 1884, т. II, вып. 5, стр. 124—125.

¹⁹ Архив бр. Тургеневых. Вып. 7. Дневники и письма Н. И. Тургенева. 1824—1825 (IV том), стр. 242.

²⁰ «Русский архив», 1897, кн. 1, стр. 641.

²¹ «Исторический вестник», 1897, № 3, стр. 950.

бражаемым историческим эпохам речи, конечно, быть не может — они, по-видимому, были решены условно-театрально, но некоторые характеристичные детали, упоминаемые в текстах пьес, должны были иметь.

Щит с девизом «Fede e Ologo» (Верность и Честь), упоминаемый в либретто оперы «Танкред», орденская цепь с крестом показывают, что на картине изображен благородный рыцарь крестовых походов. Пейзаж соответствует 9-й сцене второго акта — горная цепь, крутые утесы («Танкред: Где я? В какие ужасные места привело меня отчаяние...»; в горестных думах о будто бы изменившей ему возлюбленной он садится на камень; в руке его меч; хор славит будущие победы героя).²²

Самой характеристичной деталью одевания Жанны д'Арк в драме Шиллера является шлем: о нем говорят часто — и сама героиня и другие действующие лица; его называют «стальной», «красивый», «рыцарской достоин головы» и др.

Выходит к нам девица, яркий шлем
На голове; идет, как божество,
Прекрасная и страшная на взгляд,
И темными кудрями по плечам
Летают волосы...²³

Голова Волконской на картине Бруни похожа на это описание. Только взгляд ее не страшен, в раздумии он устремлен в небо, правой рукой она держит меч (но без трех золотых лилий) — это Жанна после убийства Монгомери:

О Благодатная! что ты творишь со мною?

Теснится жалость в душу мне...

Но только повелит мой долг — готова сила!
И неизбежный меч, как некий дух живой,
Владычествует сам трепещущей рукой!

(стр. 94—95)

По указанию Шиллера, действие в этой сцене происходит в «месте, окруженном утесами; ночью». Но в драме героиня является «в шлеме, в панцире; остальная одежда женская; в руках ее знамя». Во время поединка с Монгомери вместо знамени в руках Жанны, конечно, должны были быть меч и щит; панциря на Волконской нет — она в латах, поверх них одето короткое платье темно-синего бархата, обшитое золотым галуном, с большим вырезом, украшенным горностаевым мехом. При всей театральной условности на ней, по-видимому, «платье» Танкреда; одевание Орлеанской девы должно быть несколько иным — в нем, по свидетельству современников, княгиня была на маскараде, устроенном ею в начале января 1827 года.²⁴

Как видим, отдельные детали портрета Волконской в роли Танкреда (голова в племе, романтический пейзаж) могут быть отнесены, с известной условностью, конечно, — к Жанне д'Арк. Если это не случайность, если литография головы Волконской в виде Жанны д'Арк была действительно сделана с этого портрета, как об этом пишет Андрей Трофимов, — то это любопытный факт. Над картиной Ф. А. Бруни несомненно работал несколько лет. Вполне возможно, что вначале он стал писать Волконскую в роли Жанны, а потом, поскольку, вероятно, костюм рыцаря, приготовленный для показа императору, оказался более эффективным и княгиня пожелала запечатлеть себя на картине именно в нем, он закончил его как портрет Танкреда. Если это так, то становится понятным, почему Волконская заказала литографию только своей «головой в виде Giovanna d'Arco», а не целой прекрасно скомпонованной «композиции Бруни».

Впрочем, последнее слово за литографией. Нахождение литографированного изображения головы З. А. Волконской в виде Жанны д'Арк, которое она обещала прислать Пушкину, должно рассеять все недоразумения. Андрей Трофимов пишет, что княгиня сделала эту литографию, и Пушкин в Москве получил один экземпляр ее: очевидно, в распоряжении Трофимова были неизвестные нам, еще не опубликованные данные из архива Волконских. Косвенное подтверждение получения поэтом литографии содержится в постскриптуме второго письма гр. М. Риччи к Пушкину от 1 мая 1828 года: «Княгиня Волконская поручила мне напомнить вам об обещании прислать ей ваш портрет» (XIV, 16). Весьма вероятно, что это обещание было дано в связи с получением портрета Волконской. Но какой портрет Пушкин обещал прислать княгине? В первой публикации письма это место не прокомментировано

²² Tancredi. Opera en deux actes. Musique de Rossini. Paris, 1840, p. 55.

²³ В. Жуковский, Стихотворения, т. I, СПб., 1824, стр. 56.

²⁴ «Русский архив», 1901, кн. 3, стр. 5; «Старина и новизна», 1905, кн. 10, стр. 507—508.

(«О каком портрете идет речь — не ясно»),²⁵ но в это время речь могла идти только о гравюре Н. И. Уткина с портрета О. А. Кипренского, приложенной к «Северным цветам» на 1828 год, о которой Е. А. Баратынский в конце февраля—начале марта 1828 года писал Пушкину: «Портрет твой в Северных Цветах чрезвычайно похож и прекрасно гравирован. Дельвиг дал мне особый оттиск. Он висит теперь у меня в кабинете, в благопристойном окладе» (XIV, 6). Послал ли Пушкин княгине «особый оттиск» своего гравированного портрета — неизвестно; «Северные цветы» на 1828 год в архиве Волконской сохранились.

Но возвратимся к письму княгини. Волконская, конечно, не случайно выбрала из «своих собственных чад» для поднесения творцу «Бориса Годунова» сокращенный перевод на итальянский язык исторической драмы Шиллера. Среди молодых шеллингианцев, господствовавших тогда в ее салоне, немецкий поэт особенно почитался. С. П. Шевырев после одного из литературных обедов читал там, в присутствии Пушкина и Мицкевича, свой перевод «Валленштейнова лагеря».²⁶ В своих драматических исканиях Пушкин учитывал опыт Шиллера. В 1822 году он приветствовал перевод Жуковским «Орлеанской девы»; во время работы над «Борисом Годуновым» П. А. Плетнев, по его просьбе, прислал ему в Михайловское драматические произведения поэта (XIII, 45, 255). Волконская определенно рассчитывала, что ее перевод на итальянский язык «Орлеанской девы» Шиллера встретит сочувственный отклик поэта. К тому же либретто, дополненное письмом, подчеркивало многообразные таланты княгини — поэтессы, композитора (автора исторической оперы!), актрисы и певицы.

Пока была неизвестна дата послания Пушкина к З. А. Волконской, считалось, что оно явилось ответом на восторженное письмо к нему княгини. П. И. Бартнев высказал такое предположение при публикации письма Волконской; Н. А. Белозерская писала об этом уже без всяких оговорок.²⁷ По традиции это продолжают повторять и в наши дни, после установления даты послания, вкладывая в слово «ответ» более широкое содержание. Вероятно поэтому никто не обратил внимания, что письмо и подарок княгини Пушкин не мог оставить без скорого, если не немедленного ответа. Он мог, конечно, поблагодарить княгиню и устно (в Михайловское он уехал лишь 2 ноября), но она в письме ведь уже простилась с ним, и после этого прийти к ней было не совсем удобно. Скорее всего поэт поблагодарил З. А. Волконскую письменно. В этом письме должен был быть и отзыв об итальянском переводе пьесы Шиллера, сделанном княгиней. В марте—апреле 1828 года гр. М. Риччи писал Пушкину, что кн. Волконская собирается прислать ему два его (Риччи, т. е. на итальянском языке) стихотворения, и сам послал ему на отзыв свои переводы на итальянский язык нескольких стихотворений Пушкина (XIV, 9—10), — без отсыла на перевод княгини такие обращения к поэту были вряд ли возможны. Ответное письмо Пушкина З. А. Волконской, а его существование нам кажется весьма вероятным, должно было храниться в архиве княгини.

Приехав в начале ноября 1826 года из Москвы в Михайловское, Пушкин привез с собой и только что подаренное ему З. А. Волконской либретто оперы «Жанна д'Арк». Из Михайловского же он мог написать княгине письмо с благодарностью за подарок и с отзывом о переводе.

О салоне Волконской

В 1952 году в 58-м томе «Литературного наследства» был опубликован отрывок из письма З. А. Волконской П. А. Вяземскому, в котором княгиня, приглашая его на литературный обед, просила привести к ней и «мотылька Пушкина»: «Быть может, он думает, что найдет у меня многочисленное общество, как в последний раз, когда он был. Он ошибается...»²⁸ Вспомнив, что в январе 1829 года, по возвращении из Москвы, Пушкин писал Вяземскому: «...я от рутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды...» (XIV, 38) — и что в тот же приезд в Москву поэт в салоне Волконской «в досаде... прочел „Поэт и чернь“ и, кончив, с сердцем сказал: „В другой раз не станут просить“»,²⁹ Д. Д. Благой в предисловии к публикации говорит «о резкой неприязни, которую испытывал Пушкин к модному светскому салону Зинаиды Волконской» (стр. 15). Это несправедливо. Пушкин, по его признанию, «будучи подвержен так называемой хандре», «в дружеском обращении» нередко предавался «резким и необдуманнным суждениям» (XIII, 53, 51) о людях, которые никак нельзя считать очочательными. В приведенных высказываниях

²⁵ «Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 575, примеч. 23.

²⁶ Там же, т. 58, 1952, стр. 52 (примеч. к письму З. А. Волконской П. А. Вяземскому).

²⁷ Бумаги А. С. Пушкина, вып. I. М., 1881, стр. 149; «Исторический вестник», 1897, № 3, стр. 967.

²⁸ «Литературное наследство», т. 58, стр. 52.

²⁹ Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, стр. 464 (С. П. Шевырев. Рассказы о Пушкине).

тоже сквозит раздражение; стихи же свои Пушкин действительно не любил читать в обществах. Если бы поэт в самом деле с «резкой неприязнью» относился к салону Волконской, и при этом едва ли не с первого дня его посещения, то просто непонятно, почему и зачем он бывал там, на тех же «проклятых обедах», и как мог написать послание?

Пушкину, конечно, не импонировала широта салона Волконской и, возможно, тонко уловленная и переданная им в послании атмосфера его высокого романтического эстетизма и преклонение перед хозяйкой («царица»). Поэт тяготел к непринужденно-дружеским кружкам, а в поэзии шел «своим путем», утверждая принципы реалистического показа действительности. Но салон Волконской все же не был обычным модным светским салоном. И педаром целое созвездие выдающихся личностей были его посетителями. На фоне мрачной николаевской реакции кн. З. А. Волконская и ее литературно-музыкальный салон были явлениями незаурядными, и не только по своему художественному уровню (в 1939 году об этом писал М. К. Азадовский). 9 августа 1826 года М. М. Фок доносил А. Х. Бенкендорфу: «Между дамами, две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство, — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слугу».³⁰ У княгини останавливался проводивший Е. И. Трубецкую в Сибирь библиотекарь гр. Лаваль—Воше, за которым было установлено наблюдение; несколько дней прожила у нее едущая к мужу М. Н. Волконская; музыкальный вечер, устроенный княгиней в ее честь, был политической демонстрацией. Живя в Москве, постоянным посетителем салона Волконской был Адам Мицкевич, и прежде всего благодаря хлопотам княгини и ее мужа ему был разрешен выезд за границу; в этих хлопотах, как известно, принял участие и Пушкин. Позднее польский поэт был у княгини в Риме, встречались они и в Париже и много лет переписывались. К Пушкину до конца дней Волконская сохранила самое благоволивое отношение. После смерти поэта она начертала его имя на памятнике в аллее сувениров на своей вилле в Риме. В римском архиве княгини сохранились первые издания произведений Пушкина: два экземпляра «Стихотворений» 1826 года, «Повести Белкина» 1831 года, «Борис Годунов» 1831 года, а также альманахи, в которых напечатано много его стихов: «Северные цветы» на 1826, 1828 и 1830 годы, «Денница» на 1830 год и др. В каталоге библиотеки села Урусово (Тульская имения Волконских) значится «История Пугачевского бунта» 1834 года;³¹ в московской части архива княгини хранится прозаический перевод на французский язык стихотворения Пушкина «К морю» и перевод на итальянский «Стансов».³² У Волконской могли быть автографы и списки некоторых произведений поэта того времени, когда он бывал в ее салоне.

А каков был салон Волконской? Об одном из концертов у княгини А. Я. Булгаков писал: «Театр был славно устроен в большой зале...»³³ П. И. Шаликов в «Дамском журнале» о нем же: «Концерт давался на сцене комнатного театра, чрезвычайно красивого и тем был еще блистательнее... на фронтоне театра... надпись: *Ridendo discere verum*, а по бокам, с одной стороны: *Molière*, с другой: *Sinagoga*».³⁴ Замечательное описание салона З. А. Волконской дала приехавшая с двором в Москву на коронационные торжества ее племянница до мужу княжна А. П. Волконская, впоследствии Дурново, в письме к матери Софье Григорьевне Волконской от 11 августа 1826 года: «Вчера утром я в первый раз видела апартаменты, которые тетюшка Зинаида устроила себе наверху в доме Белосельских (во втором этаже, — Р. Т.). Ее столовая зелено-горчичного цвета с акварельными пейзажами и кавказским диваном, подобным таганрогским (как в доме, где умер Александр I, долголетний поклонник княгини, — Р. Т.). Ее салон — цвета мальвы (*mauve*) с густо-желтыми картинами (картинами в золоченых рамах, — Р. Т.), мебель «обита» густо-зеленым бархатом. Биллиардная обита старинным дамá (шелковая узорчатая материя, — Р. Т.). Ее кабинет увешан готическими картинами, с маленькими бюстиками наших царей на консолях, прикрепленных к стенам, и «обставлен» аналогичной мебелью. Пол ее салона цвета мальвы покрашен в белый и черный цвета и превосходно имитирует мозаику. Я не могу тебе передать, насколько все это красиво и в хорошем вкусе».³⁵ Интересно, что на картине Г. Г. Мясоедова «Мицкевич в салоне Зинаиды Волконской импровизирует Пушкину» (1907) стены салона розовато-сиреневатые, а пол черно-белой мозаики — об этом ему, вероятно, сказала Н. А. Белозерская, с которой он переписывался.³⁶ Есть свидетельство, что «залы в доме княгини Волконской на Тверской» «прекрасно» расписал живший в ее доме

³⁰ «Русская старина», 1881, № 9, стр. 191.

³¹ См. об этом: Временник общества друзей русской книги, IV, стр. 174.

³² ЦГАЛИ, ф. 172, ед. хр. 429, л. 28; ед. хр. 20, лл. 1, 3.

³³ «Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 432.

³⁴ «Дамский журнал», 1827, № 1, стр. 48.

³⁵ ЦГА, ф. 844, оп. 2, ед. хр. 51, л. 76, франц.

³⁶ См.: И. Н. Шувалова. Мясоедов. Изд. «Искусство», 1971, стр. 114.

воспитателем сына итальянский художник Барбиери.³⁷ М. Д. Бутурлин вспоминал, что «он же писал и декорации для ее театра и превосходно составлял столы (т. е. верхнюю их часть) из мозаичной мелкой работы».³⁸

Письмо г-жи де Сталь

Общение с княгиней не прошло бесследно для Пушкина. Укажем два факта. Мы обратили внимание, что имя героини одного из пушкинских набросков повести из светской жизни («Гости съезжались на дачу...») Зинаида Вольская созвучно имени Зинаиды Волконской. Героиня наброска «Мы проводили вечер на даче...» тоже названа Вольской. Это не значит, что княгиня была их прототипом, но некоторые черты ее психологического облика и жизни (неудовлетворенность браком, метания и др.) Пушкин, возможно, использовал при создании этих образов.

Другой случай более значительный.

В своем оставшемся незаконченным, но очень интересном по замыслу романе «Рославлев» Пушкин описал прием московским обществом в 1812 году знаменитой французской писательницы г-жи де Сталь. С. Н. Дурылин в работе «Г-жа де Сталь и ее русские отношения» справедливо указал, что «живой», «исполненный внутренней правды и исторической достоверности» образ писательницы Пушкину помогли создать ее книги «О Германии», «Десять лет изгнания» и др.³⁹ Исследователь особенно восхищался той французской запиской, которую в романе г-жа де Сталь посылает Полине, негодующей на тупость и чванство московских бар: «...это — слог, тон, манера г-жи де Сталь. Пушкин, можно думать, не читал ни одной из ее подлинных записок, но он угадал, как должна писать знаменитая изгнанница к русским, подарившим ее вниманием и гостеприимством».⁴⁰ Но одну из записок де Сталь Пушкин мог видеть и, вероятно, видел. Мы имеем в виду ее записку к З. А. Волконской, которая сохранилась в римском архиве княгини и напечатана, возможно неполностью, в книге Андрея Трофимова.⁴¹ Даем ее в русском переводе:

«Я не могу утешиться, что не увижу Вас. Все говорят, что Вы ангел; не могли бы Вы принять меня на несколько минут? Я знаю, что Вы поблднели и что ваше очаровательное лицо немного изменилось, но знайте, что такой я буду любить Вас еще больше, так как Вы меня и растрогаете и очаруете. У Вас болит душа; как знать, не смогу ли я Вам сказать слова, которые принесли бы Вам облегчение...» (стр. 38).

Записка относится ко времени трехнедельного пребывания де Сталь в Петербурге в августе 1812 года (дата ее, по-видимому, 23 августа, потому что далее Трофимов пишет, что «через три дня загрели пушки Бородина»). Она написана в ответ на записку Волконской, в которой та, вероятно, уведомила де Сталь, что не может принять ее, так как заболела. Из записки видно, что у княгини был очередной нервный приступ (болезнь эта впервые проявилась в ней после смерти отца в 1809 году). Настойчивое стремление французской изгнанницы видеть З. А. Волконскую, видимо, связано с тем, что на нее обратил внимание император Александр I.

А вот русский перевод текста записки де Сталь к княжне Полине в «Рославлеве» Пушкина:

«Дорогое дитя мое, я совсем больна. С вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы зашли ко мне оживить меня. Постарайтесь получить на то позволение вашей матери и будьте добры передать ей почтительный привет от любящей вас де С.»

Прежде всего обратим внимание, что у Пушкина де Сталь пишет записку тоже молодой особе; правда не княгине, но княжне; не в Петербурге, а в Москве, но в то же самое время — летом 1812 года. В той и другой записке речь идет о посещении в связи с болезнью. В первой записке — де Сталь просит больную Волконскую принять ее, во второй — больная де Сталь просит Полину прийти к ней. Первая ситуация была негигиеничной — она требовала особого объяснения. Пушкин в романе изменил ситуацию на обычную и легко объяснимую: де Сталь на обеде обратила внимание на Полину и, заболев, попросила ее приехать. Эта перемена заставила Пушкина отказаться от ряда фраз письма — уже немолодая де Сталь не могла быть озабочена тем, какую реакцию вызовет у посетительницы ее поблдневшее и изменившееся во время болезни лицо. В первой записке де Сталь пишет, что она, быть

³⁷ «Русский архив», 1901, кн. 2, стр. 182, примеч. 2.

³⁸ Там же, 1897, кн. 1, стр. 641.

³⁹ «Литературное наследство», т. 33—34, 1939, стр. 318.

⁴⁰ Там же, стр. 319.

⁴¹ В письме А. Н. Волконского к П. И. Бартеневу от 16/18 ноября 1866 года мы нашли упоминание о какой-то записке де Сталь к З. А. Волконской, писанной в 1812 году, «в ответ на присылку вида замка известной писательницы в Соррето» (ЦГАЛИ, ф. 46, ед. хр. 560, лл. 409—410). А. Н. Волконский послал Бартеневу копию записки, однако в печати этот текст неизвестен.

может, найдет слова, которые «принесут облегчение» больной душе княгини, у Пушкина — де Сталь приглашает Полину «оживить» ее. Волконская была замужней дамой и сама распоряжалась собой; в романе Полина — девушка, это потребовало введения фраз о матери. «Любящая де Сталь» в конце письма Полине перекликается с ее строками в письме к Волконской: «Я буду любить Вас еще больше». Все эти совпадения вряд ли были случайными. Вероятно, Пушкин действительно читал когда-нибудь у Волконской записку к ней де Сталь и позднее использовал ее в «Рославлеве», изменив текст в соответствии с художественным заданием. Это обстоятельство позволяет предположить, что некоторые черточки для воссоздания образа де Сталь в романе Пушкин мог получить не только из ее книг, но и от современников, видевших де Сталь во время ее пребывания в России в 1812 году или позднее в Париже, и, возможно, от той же Волконской. (В материалах так называемой «Строгановской Академии», опубликованных М. К. Азадовским, сохранились ее стихи к де Сталь при возвращении «Коринны».)⁴²

Приезд в Россию в 1836 году

В конце февраля 1829 года кн. З. А. Волконская с сыном уехала за границу, в Италию, и поселилась в Риме. Перед отъездом она с месяцем прожила в Петербурге; встречалась ли она в это время с Пушкиным — неизвестно, но уехавшего с ней С. П. Шевырева поэт видел.⁴³ Отъезд княгини обычно связывали с переменой ею религии и возникшими в связи с этим осложнениями с двором. Но в католичество княгиня перешла позднее, и двор об этом узнал не сразу.⁴⁴ Ближайшие друзья княгини свидетельствовали, что причиной ее отъезда была болезнь.

Поселившись за границей, княгиня не порывала связей с родиной. Стремясь быть полезной ей, она выступила с проектом Эстетического музея при Московском университете (позднее он был высоко оценен И. Цветаевым).⁴⁵ Вилла Волконской в Риме вскоре стала своеобразным центром, куда стекались русские путешественники: там бывали А. И. Тургенев, М. И. Глинка, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь и мн. др. Княгиня выписывала русские книги и журналы и в письмах откликалась на события литературной жизни; среди ее корреспондентов были С. А. Соболевский, П. А. Вяземский, А. Н. и А. В. Веневитиновы, по отъезде из Италии — С. П. Шевырев. С Пушкиным Волконская, по-видимому, не переписывалась, но они знали друг о друге из писем друзей, имя поэта встречается в письмах княгини. По дороге в Италию княгиня с С. П. Шевыревым и Н. М. Рожалиным посетила в Веймаре Гете и говорила ему о Пушкине. Уехав за границу, Волконская активнее, чем прежде, стала сотрудничать в русской периодике. Она печаталась в тех же изданиях, что и Пушкин, и журналы нередко сближали их. В 1830—1831 годах в «Московском вестнике» и «Северных цветах» появились «Отрывки» из путевых записок княгини по Германии и Италии, где она показала себя тонким знатоком художественной культуры этих стран.⁴⁶ А в «Северных цветах» на 1832 год, в подготовке которых, как известно, принял деятельное участие Пушкин, были напечатаны два стихотворения Волконской — «Моей звезде» и «Надгробная песнь славянского гуслияра» («Уж как пал снежок со темных небес...») из ее исторической поэмы «Ольга» (последнее интересно в связи с «Песнями западных славян» Пушкина).

⁴² «Литературное наследство», т. 33—34, стр. 206—208. Кстати, З. А. Волконскую звали «Северною Коринною».

⁴³ «Литературное наследство», т. 16—18, стр. 703. 7 января 1829 года кн. А. Н. Волконский писал из Москвы С. П. Шевыреву: «Завтра у нас будет последний *dîner de lecture*. Мы думаем ехать 20 числа сего месяца» (Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 850, ед. хр. 172, л. 1); 2 марта того же года княжна А. П. Волконская писала матери Софье Григорьевне: «Моя тетушка Зинаида уехала позавчера (т. е. 28 февраля, — Р. Т.)... С ней Маделен (ее сестра М. А. Власова, — Р. Т.), Лизанька из дома Трудолобия, Александр (сын З. А. Волконской, — Р. Т.), Владимир (Павей, англичанин, воспитанный княгиней, — Р. Т.) и, в должности Барбиери, Шевырев, русский писатель... 3 женщины и одна новая маленькая горничная» (ЦГИА, ф. 844, оп. 2, ед. хр. 51, л. 215 об., фр.).

⁴⁴ Подробно эти вопросы будут освещены в нашей публикации записей из дневников П. Д. Дурново (мужа А. П. Волконской).

⁴⁵ «Телескоп», 1831, ч. III, стр. 385—399; «Московские ведомости», 1898, № 82, 24 марта, № 84, 26 марта (статья И. Цветаева «Памяти З. А. Волконской»).

⁴⁶ В статье Н. Городецкой среди путевых очерков З. А. Волконской ошибочно указаны «Отрывки из писем из Италии», напечатанные в «Северных цветах» на 1825 год за подписью «П... ий» («Oxford Slavonic papers», vol. V, 1954, p. 100). Их автор — В. А. Перовский. П. А. Плетнев 7 февраля 1825 года писал о них Пушкину: «Забыл-было: Письма из Италии точно Перовского» (XIII, 141).

Считается, что после отъезда Волконской в Италию Пушкин с ней уже не виделся. Но княгиня дважды приезжала из-за границы в Россию и первый раз при жизни поэта — летом 1836 года. Сведений об этом приезде мало, и они нередко ошибочны. По камер-фурьерским журналам и письмам П. М. Волконского к С. Г. Волконской,⁴⁷ по письмам А. Н. Веневитиновой к Е. Е. и С. В. Комаровским⁴⁸ и, наконец, дневнику П. Д. Дурново⁴⁹ нам удалось установить время пребывания княгини в России в 1836 году.

З. А. Волконская приехала в Петербург около 20 июня (21-го она представлялась во дворце); в конце июля она намеревалась проехать в Москву, но неожиданная болезнь сына задержала ее в столице до 19 августа; из Москвы она возвратилась числа 20 сентября и в конце этого месяца покинула Петербург, направляясь опять за границу, т. е. почти два с половиной месяца летом 1836 года княгиня с сыном провела в Петербурге. В это время она часто виделась с А. Н. и А. В. Веневитиновыми; на петергофском празднике при дворе 1 июля, где княгиня была с Ф. А. Бруни и его женой, тоже только что приехавшими из Италии, — она должна была встретиться с находившимися там П. А. Вяземским и В. Ф. Одоевским; в дневнике П. Д. Дурново есть запись о том, что у княгини был М. И. Глинка. Данных о встрече Волконской с Пушкиным нет. Поэт летом жил на даче на Каменном острове, и о нем известно мало — это глухой период в его биографии. То, что Волконская виделась с людьми, с которыми Пушкин в то время тесно общался, делает их встречу возможной. И с этой точки зрения заслуживает внимания сообщение А. Н. Веневитиновой в письме к Е. Е. и С. В. Комаровским о музыкальном вечере у княгини 16 июля 1836 года, на котором было «немного людей, но самых блестящих»; среди них, наверное, были братья Виельгорские, М. И. Глинка, В. Ф. Одоевский и, возможно, Пушкин.⁵⁰

В. В. КОЖИНОВ

ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

(ЗАМЕТКИ О ГРИБЕДОВЕ, БОРАТЫНСКОМ, ЕСЕНИНЕ)

Занимаясь в течение многих лет изучением истории русской поэзии, я столкнулся с целым рядом весьма неточных представлений и даже своего рода легенд, связанных с жизнью и деятельностью наших поэтов — в том числе и крупнейших. Цель моих заметок — опровергнуть или хотя бы оспорить некоторые из этих легенд, имеющих широкое хождение в современном литературоведении и, естественно, среди читательских масс.

Когда родился Грибоедов?

В любом справочнике и в каждой монографии о поэте безоговорочно утверждается, что А. С. Грибоедов родился 4 (15) января 1795 года. Между тем сколько-нибудь достоверными и бесспорными данными о времени его рождения мы не располагаем. В конце XIX—начале XX века шла долгая дискуссия вокруг этого вопроса, в ходе которой высказывались самые разные мнения.¹ Здесь невозможно, да, пожалуй, и не нужно рассматривать перипетии этого спора. Его итоги были подведены крупнейшим авторитетом в области «грибоедоведения» Н. К. Пиксановым, который писал в созданном им очерке жизни поэта (до сих пор наиболее обстоятельном): «Точно неизвестно, в каком году поэт родился, но общепринятая дата — 4 января 1795».² И несмотря на оговорку исследователя («точно неизвестно»), эта дата давно уже принимается как вполне точная.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 516, оп. 1 (120/2322), ед. хр. 118, лл. 63 об., 65, 69 об.

⁴⁸ Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 48, картон 64, ед. хр. 12.

⁴⁹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 244, оп. 17, ед. хр. 136.

⁵⁰ Там же, ф. 48, картон 64, ед. хр. 12.

¹ См., например, статьи Н. П. Розанова («Русская старина», 1874, № 10), В. Е. Якушкина («Русские ведомости», 1895, № 88), Язона («Русская правда», 1904, № 19), Н. В. Шиловой («Русские ведомости», 1907, № 231), В. В. Каллаша («Утро России», 1907, 17 октября) и др.

² Н. Пиксанов. А. С. Грибоедов. Биографический очерк. СПб., 1911, стр. 3.